

ПУТЬ НА ГОЛГОФУ

(Цикл очерков)

Быть обманутым, когда обманут народ твой не позор. Быть распятым, когда распят народ твой, - Божья милость, Иисуса Христа распяли, - а мир поклоняется ему, Живому!..

Зою Космодемьянскую фашисты распяли, а она по России, глазастая и красивая, идет.

Русые головы срезают ножами русским воинам чеченские бандиты, а дух русский крушит предателей.

Люби Россию - и ты не обидишь ни один народ. Гордись, что ты - русский! Настанут времена - о нашей доброте и нашей доверчивости планета затоскует. Русские, мы - под крылам Богородицы!..

ВОИНЫ ХРИСТА

Откуда киллеры? Откуда грабители?

Из кремлевской обители. Из кремлёвской обители.

Нас не может не волновать ветер, не может нас не позвать холм тысячелетний - мы рождены в движениях природы и человека, мы выросли под лебяжьими стаями облаков и умными взорами вселенских звезд... Русский - тоскует о России, пока не умрет, а умрет - в Россию возвращается: если не стоном журавля, то плачем кукушки, если не гроздью рябины, то солнышком огородного подсолнуха, нежно склоненного над бабушкиным плетнем.

Недаром Виктор Кочетков признается:

Нас именем России

В атаки поднимали.

Но если бы спросили:

Что про нее мы знали!

Две-три ее деревни,

Да городок поглуше,

Да сказку о царевне,

Да песню о Катюше.

Но это - присказка. А сказка - все про нее мы знали: от древнего Синегора до юного уфимца, Александра Матросова... Мы знали - как вели босую истерзанную Зою радостные шакалы по снегу Подмосковья. Мы знали о раскулачиваниях и расстрелах безвинных работающих русских людей, но нам с детства затыкали рты. Мы - великая держава, а не шалун для розг Сахарова...

Знали мы и об изувеченных отцах - участниках войны, нищих инвалидах России, но мы не были побежденными, как сегодня: богач-ворюга и приватизатор личную собаку откармливает на экране копченой колбасою, а дикторши и дикторы телецентра подсказывают перед купцом и похвально языком прищелкивают: есть хотят студийные певчие... Мало им платят?

Все больше

говоришь о человечестве,

все меньше говоришь

о человеке.

Назовите мне настоящего русского поэта, судьба которого была бы светла и легкокрыла - не назовете... Ну, взгляните в их лица, в их судьбы, не лица, не судьбы - седые скалы,

иссеченные ветрами нужды и горя, овеянные дымом войны и жуткой бедою национального разорения.

Среди таких неуютных, сильных и справедливых поэтов - русский поэт Виктор Кочетков. От земли, из деревянного русского дома, от большесемейного куска хлеба, от беззащитных длинных вздохов матери, от широких громких берегов Волги - к школе, к труду, к армейской казарме, а там - окопы, атаки, бои, а там - ранения, плен, опять после побега из плена- окопы, опять бои и - русская тишина: слезы говорить мешают, а петь запрещенные слова опасно:

Все пришлось испытать на войне:

Счастье боя и тяготы плена.

Как по беглой мишени по мне

Конвоиры стреляли с колена.

Еще в 1965 году я слушал тяжелый голос поэта - о страшных лагерях новых распорядителей мира, о погибших друзьях Виктора Кочеткова, о ночных допросах, устраиваемых отечественными "чистюлями" над русскими "виноватыми", вырвавшимся из-за колючей проволоки рыцарей Гитлера. А "вина" их - верность Родине, осмысленная и неодолимая, как движение народной страды на Берлин...

Из нас ныне пытаются вытравить ту святую страду, вместо верности нашим детям и внукам внушается раздавленная картавая несуразица безродинности, озлобленной суетливой безликости и мокрой торгашеской бездуховности. Потому и в 1965 году в Саратове, в редакции журнала "Волга", мы сидели иногда за столом, собравшись у стакана...

Синим стеклышком вспыхнул Донец.

Здравствуй, Родина!

Снова мы вместе.

Он вернулся, твой русский боец,

Твой солдат, пропадавший без вести.

Но и тогда уже "запрос" был смоделирован не на патриотов, а на тех, кто обивал порог перед западными хозяевами, улавливая большими лакейскими ушами грязное шуршание ваучеров по перестроечной голодной дороге, неврастенические визги диссидентов, полудиссидентов, предателей, полупредателей, спекулянтов забугорных свар и склок, да-да, на тех был направлен акцент внимания, кто, получив инструкции ЦРУ, лидирует борзо в несчастном и обманутом народе в России...

Россию предали. Предали солдат ее и поэтов ее. Конечно, бежавшему из фашистского застенка, израненному лейтенанту Виктору Кочеткову, никак не заставить, например, себя - постучаться в особняк или виллу Коротича или Евтушенко, "православную обитель их", и заодно с ними "зацепиться" с разрешения чужого дяди, демократа, на краешке чужой державы, отметившей подспудные заслуги наших прорабствующих героев...

Радикализма русского наследники,

духовной тяги левое крыло,

к кому теперь вы нанялись в посредники,

куда вас, многоумных, занесло.

Все на Руси исхаяли, излаяли

и подались к заморским очагам,

как в новом поживаете Израиле,

в непредставимом штате Мичиган.

Есть в русском лице поэта Виктора Кочеткова что-то от русского витязя, дерзкое и спокойное, вечное и благородное, как ратный звон меча над преступными захватчиками, кровавыми озорниками, наследниками опухших планетарных громил, резвыми разбегающимися хищниками по городам и весям России - хватать и утаскивать в заграницу...

Виктор Кочетков знает прицельное расстояние русского гнева, отлично понимает и чувствует меткость русского слова. Ведь язык родной для поэта - свинец и ливень, свет и память, здоровье и отвага:

Вновь заря над степью мечет

Красный рой каленых стрел.

Что ты, что ты, скифский кречет,

С высоты своей узрел?

Иль в щетине чернобыла

Почерк свежего следа?

Или древнюю могилу

Выбираешь для гнезда?

Вот - развернулся, распахнулся: синяя даль родная перед глазами, и вольная русская доля крыльями в небо сверкнула!.. Поэт и есть - народ: в поэте вдруг замечется, завьюжит, заураганит и выплеснется в простор свобода, скованная до поры и времени в народе, кровавыми карликами зажатая в штабах и ведомствах, изменниками, казалось, задушенная, но в народе-то ее не убьешь, хотя и укоротишь не надолго, да заплатишь потом за исполнительность рабскую, покорство позорное...

Чубайс пустил налево наше электричество,

На Западе он – вор, у нас - Ваше Величество!

Выпив для благости природы и для доброты с друзьями, Виктор Кочетков, как бы искал товарищеского надежного понимания - пел грустную думу собственной судьбы, но - поэт, национальный и яростный, не прощал унижения и ухмылок над своей могильной тропой солдата: стихи болели, кричали, равнялись на завтрашний день, и он, желанный, наступил:

Поначалу все молчало.

Но уже к исходу дня

Как-то странно зазвучала

Енисеева броня.

Мы ведь - народ, русские люди, по заслуженному утверждению радио и телевидения, "красно-коричневые", поскольку давно Кочетковы, Ивановы, Петровы, Сидоровы, Петуховы разгромили и угомонили исторических неподдельных красно-коричневых на полях сражений, грызунам демгазет и демэкранов опасность не грозит - почему теперь им не оскорблять русских, защитивших эту моль, ползающую по нашим трибунам, нашим залам?..

Увлеченные и вознесенные над бороздою и цехом человечностью, состраданием и правотою, мы, русские, да и другие, нормальные народы, у себя на кухне стесняемся чавкающего гостя, жрущего русский каравай, диссидента, поучающего Россию: как ей жить и кого ей выбрать в соседи... Мы прощаем грызуна, до крови кусающего нас прямо в сердце, мы даже стремимся молча вытереть ему иезуитские хищные губы...

Значит, вера есть в нас, прочно сидит в душе нашей неусомненная никакими невзгодами доблесть - мы отряхнемся от клеветы и разора, встанем и заявим правду, выношенную, оголубливленную, проверенную в огне и порохе, укрепленную у креста и обелиска:

Тишина и покой.

- Кто тут есть? Отзовись! -

Только месяц мерцает

Подобьем осколка...

Богатырская даль.

Богатырская высь.

Старый дуб.

Старый ворон

И старая Волга.

Виктор Кочетков - один из самых образованных русских поэтов. Разве не тональность былины, разве не ритм сказа течет по равнине стиха, по богатырскому перевалу времени? Очень народен поэт - заповедью, характером творчества, и сам он - вырастает из пластов народных, глубин русских, неизмеримых. Молодость - на войне. Зрелость - в борениях за призвание и достоинство, а все - тертый, все - жилистый, все - мудрый и собранный, как ему и положено: за ним - люди, за ним - поколения поэтов.

Я тянулся к полям,

Как историк к архивным томам,

Над былинкой колдуя,

Как поэт над строкою заветной.

И война отползла,

Словно серый осенний туман,

И бессмертная жизнь

Приоткрылась, как луг

многоцветный.

Виктор Кочетков - суровая традиция: русские поэты, поднимаясь из горя и пепла пережитого, светлее и чище становятся, а седина их, как вещей зов, летит над нами и душу нам жжет вечным мужеством, завистью благородной, подвигом дружбы нетленным. Не зря же поэт сберег до сих пор уважение к вчерашним солдатам - Михаилу Алексееву, Юрию Бондареву, Ивану Акулову, Андрею Блинову, Ивану Стаднюку!.. И сам Виктор Кочетков среди нас, перед войною рожденных, среди нас - всегда почетный, всегда незабываемый. Друг и брат по российскому оратайству...

Слава Богу - не прерывается звездная борозда русской поэзии. За чуть сумеречным Василием Федоровым - Виктор Кочетков мастерски песню выпускает: лети, одолевай,

честная и верная!.. Мы устали от устрашений нас перестройками, инфляциями, коммунизациями и капитализациями. Лидеры, пытавшиеся погрузить всю необъятную Россию на некий западный челн, напарывались на русские скалы, русские седые судьбы, переворачиваясь и пропадая в русских гремящих штормах.

Кто только не посягал на нашу песню и нашу поэзию? Павел Васильев растоптан в кровавых подвалах заезжими насильниками и мародерами, а Виктор Кочетков был загнан за немецкую заржавелую проволоку железными роботами фюрера, а всамделишная красно-коричневая саранча зудит и зудит над нами, оклеветанными патриотами: "Русский фашизм!", "Русский фашизм!".

И на телеэкране "игра" с детишками русскими, соросовец заезжий спрашивает:

- Танечка, зебра это или медведь?..

- Медведь!..

- Получи банан, травоядное животное!..

И маленькая Танечка ловит, хватает премиальный банан, на гайдаровском рынке-то банан не укупить...

А заезжий мордоворот "играет" дальше:

- Вася, кто это, енот или муха?..

- Муха!..

- Получи обглоданную кость, хищное животное!..

И Вася ловит, хватает обглоданную кость... Не из Америки ли куриная ножка? Не из Германии ли порция?.. А подлец, наставник русских детей, "играет", "играет", а русские родители, "подарив" кровных малышей, смотрят, смотрят, наивные, прощают заезжему растлителю и оскорбителю гнусные фрукты - антирусские фокусы и номера... Где еще найдете подобный терпеливый народ? Но - гром грянет. У "игрока" дрожат ворьи руки... Торопится приобрести билет - к Евтушенко или Коротичу?..

А нас, взрослых, не потчуют?.. Печатают же "Литературные новости" такое откровение, такое маниакальное олиричивание помойки:

Не забывала и в кровати

Ты политических симпатий,

И знают только демократы,

Где горяча и где мокра ты.

И - продолжением "красоты и вдохновения", на клинической обреченности:

Там твой пирожок бесподобный, там пончик,

Но там, к сожаленью, сегодня тампончик.

Поэт волен сочинить любое, но печатать - не каждый рискнет среди родного народа любую заразу, не каждый. А среди чужого народа легко ли сыпать отраву? Но жемчужней медузы скользит, переливаясь, по экрану Олег Попцов, писатель земли русской, и высовывает нам "игроков", и не дает слова блестящему национальному таланту Виктора Кочеткова!..

Кто Попцов? Попцов - Останкино, телецентр... Когда же прекратят распоряжаться русским даром и русским языком люди, плюющие в русскую душу? Когда же мы перестанем уступать наглым и ничтожным, уступать то, чему нет ни цены, ни забвения - русский свет разума, русскую красоту сердца? Где же наша отвага?

Виктор Кочетков - последний большой русский поэт из тех, кого решетили враги на поле боя, последний из фронтовиков, кому Попцовы не разрешают разговаривать со своим родным народом широко и охватно: не пропускают, не допускают к оккупированному экрану. Фашистов мы победили, а победить моль не можем. Богатыри ли мы? Но в борьбе с микробами - богатырство помеха...

Куда интереснее быть стариком.

Глядеть, как мерзавцы ползут на вершину.

Как женщина за нос проводит мужчину.

Как зло доброту попирает молчком.

Куда интереснее быть стариком.

* * *

К творчеству Виктора Кочеткова я не случайно, а наследственно, так сказать, приплюсовываю творчество Владимира Фомичева и Валерия Хатюшина, Ивана Савельева и Геннадия Космынина: кто-то кого-то, из них, помоложе, кто-то кого-то, из них, постарше, но они сегодня - продолжатели русской патриотической верности.

И было бы с моей стороны непорядочным делом - не вернуться и не вспомнить поэтов, прошедших чуть впереди Виктора Кочеткова, чуть впереди, воинов: Сергея Наровчатова Михаила Луконина, Михаила Львова, Сергея Орлова, а еще чуть впереди - Дмитрия Кедрина, Алексея Недогонова, Павла Шубина, а уж Александр Прокофьев и Михаил Исаковский, Владимир Луговской - куда мы без этих несравненных русских имен? А Дмитрий Ковалёв? А Людмила Татьяничева?

Виктор Боков, Герман Фролов, Александр Коваленков, Владимир Семакин, Виктор Федотов, Эдуард Асадов, Сергей Поделков, Василий Федоров, все, все они — фронтовики, защитники Москвы и России: один - у станка, другой - в танке, но все - за Россию, все - с народом, беззаветно сражающимся.

Жаль - многих, многих давно нет с нами!.. Время - скачущий конь: только звон копыт опадает в грозные русские просторы, повитые синей думкой печали, да по утрам залитые багровым заревом трагедий... Куда деться?

Русская поэзия - струна света, русская поэзия - родник, утоляющий житейскую и ратную жажду поколений. Творчество Станислава Куняева, Владимира Цыбина, Валентина Сидорова, Эдуарда Балашова, Олега Алексеева, Анатолия Парпары, Ивана Лысцова, Анатолия Передреева, Владимира Фирсова, Бориса Примерова, Анатолия Зайца, Льва Котюкова, Владимира Перкина, Феликса Чуева, Юрия Кузнецова, Николая Рубцова, Вячеслава Богданова, Владилена Машковцева, Геннадия Суздалева - от корней русских, от русского национального духа. И, слава Богу, Виктор Кочетков - не одинок.

Но, обращаясь к именам Савельева и Фомичева, Хатюшина и Дорошенко, публициста,

прозаика, я хочу привлечь внимание твое, уважаемый читатель, к моей балладе [\[1\]](#) : в ней я рисую вроде бы теперешнюю судьбу русского поэта, а баллада старинная посвящена Индии, где побывал я в 1976 году, и ощутил себя, спасибо ей, - русским, русским!..

Бедовый случай

1

И снилось мне: живу в чужом народе,

Резвлюсь беспечно на чужой свободе,

Ботинки,

Брюки,

Пестрые рубашки

Ношу,

И те же приобрел замашки

Открытости,

Душевности,

Прошу -

Перо, бумагу, и стихи пишу!

Пишу стихи, печатаю в газете,

Но почему же злость в чужом поэте

Я вызываю, он кричит сурово:

- Ты загубил мое родное слово,

Ты гость, и ты строку мою не трогай,

Ступай себе назначенной дорогой!.. -

Тогда беру я трепетный смычок,

Но музыкант,

Как в тамбуре толчок,

Внезапно бьет по нервам:

- Замолчите,

Мелодиям ужасным не учите!.. -

Вокруг, толкаясь, хмурится народ,

Чужой народ,

Я раскрываю рот:

- Я здание построю вам такое,

В долине райской, да по-над рекою,

Я научу вас красоте!

Но здесь

Толпа, взъярилась:

- Хватит!

- Кто он есть?..

2

- Долой чужого с вымыслом чужим!..

- Долой чужого с музыкой чужой!..

- Долой с архитектурой чужой!.. -

Я мудрым был, казалось мне, большим,

А тут притих, не мудрый, не большой,

Стою.

А голоса, а голоса

Трясут собою даже небеса:

- Долой его!

- Он к детям рвется!

-Ишь!

- Преподаватель!

- Ну, чего стоишь?

- Долой!

- Ты вправить очи нам хотел!

- Долой!

- Ты вправить душу нам хотел!

-Ты заменить скитальцем нас хотел!

- Ты не индеец, прочь от наших дел!.. -

А я освоился

И запыхтел,

Румян и смугл, и очень круглотел,

Я прямо, по-восточному, вспотел:

- Я самый просвященный на земле,

Я среди вас, как тот маяк во мгле,

Который освещает караванам

Пути, назло штормящим океанам!..

3

- Долой, ты разберись в своей судьбе!

- Пришелец!..

В нас копать не тебе!

- Друзьями встретились,

Расстанемся врагами! -

Сказал поэт...

Проснулся я...

Рассвет...

И никого со мною рядом нет...

Нет никого.

И хорошо мне снова:

И русское летит, ликуя, слово,

Летит, и не мешает никому,

И так приветно сердцу моему,

Что, как тяжелый

Колокольный звон,

Стряхнул я сон,

И быстро вышел вон!

О, Индия,

Ты с четырех сторон

Нахлынула, распахнуто лаская,

С тобой сравнится лишь волна морская.

Ты - синева,

Ты - солнце,

Ты - трава,

Как Русь,

Ты самобытностью права!..

А мы - Попцов, Попцов, кто он?.. Космополиты - спидовые микробы... В самый разгар демократии свободоблюстительных реформаторов мне пришлось, защищая в суде Владимира Фомичева, послать такое вот письмо Сергею Александровичу Филатову, тогдашнему руководителю Администрации Президента России. Письмо я передал Филатову через его же мать, Марию Александровну, болезненно воспринимавшую несправедливые давления на нас, поэтов русских. Она - жена поэта Александра Филатова, есенинца. Ныне, к сожалению, оба они - покойные. Тем более - близкие для нас, патриотов Родины. Их нет, а соросовцы упражняются... Как в частушках:

Нам крутой пахан достался,

Все преграды нипочем,

В президенты он прорвался,

Ну а служит палачом.

Хорошо с вождем знакомым

На путях проверенных,

У него за "Белым Домом"

Кладбище - расстрелянных!..

Поэтам, идущим за нами, одаренным и совесть берегущим, - Олегу Кочеткову, тезке Виктора Кочеткова, Сергею Соколкину, Глебу Кузьмину, Валентину Суховскому, я желаю наступательного порыва. Смелее, свободнее, насмешливее над ними, циниками, чужими и сумасбродными, вставать надо, смелее, мы - у себя, мы - в собственном народе, мы - из колыбели русской матери. Не трусит же Евгений Юшин. А сейчас - к письму обернем глаза, к письму. В суде защищал Фомичева Эдуард Хлысталов, блестящий юрист, и я. Обвинителей мы растрясли удачно.

Уважаемый Сергей Александрович!

Владимира Фомичева преследует прокуратура Хорошевского района по Ст. 74, якобы - "Пульс Тушина", его газета, печатала тенденциозные выступления по национальным вопросам... Но трижды прокуратура Тушинского района отвергла обвинения и прекратила "дело". Газета давно не выходит.

Писатели возмущены склокой и несправедливостью. Мир литературный гудит. Кому такое противоречие на пользу: правительству, писателям? Да и преследовать такого человека - позор! Какой шовинизм? Мы - гои... Бондарев, Прокушев, десятки других писателей выступили в защиту Владимира Фомичева. Ведь его публикации можно оспаривать и опровергать в прессе, а не в камере? Мы не решаемся настоятельно просить Вас пособить прекратить это позорное "дело", но, кажется нам, - знать о творящихся беззакониях Вы должны. Возбуждены "дела" против многих русских

патриотов теми, кто все еще не сыт русской кровью!..

С глубоким уважением - Валентин Сорокин

9 февраля 1993 года.

Из "Нового завета": "Ибо так же, как у каждого из нас есть тело со многими членами, и все же все члены составляют одно тело, так и Христос".

*Явлинский, якобы, свидетель жуткой смерти Пуго, **

Вот он и вздрагивает в Думе с перепуга...

Нервные, горькие, гневные стихи Ивана Савельева часто появлялись в центральных газетах и журналах, звучали с эстрады и на вечерах, посвященных искусству. Некоторым казалось, Иван Савельев преувеличивает надвигающуюся мглу: не случится то непоправимое землетрясение, именуемое сегодня перестройкой. Но поэт предчувствовал трагедию, народную катастрофу, крича и призывая услышать его:

Пурга и ночь. И не видать ни зги.

Лишь тени туч крадутся, словно воры.

Но почему нам слышатся шаги?

И за спиною клацают затворы.

Поэт, физически ощущая разгром великой державы, как бы показывал нам тех преступников, кто возбужденно и широко взрывал основы древнейшего государства, готовясь окутать огнем и дымом края и республики, пряча бандитское мурло за лозунгами о справедливом распределении благ и свобод. Мафии.

Порою я ожидал каких-то жестких воздействий на автора, способных притормозить в нем святые страсти и заглушить патриотический голос. У нас ведь умеют затыкать глотки.

Нас, как чернь, отдают при покорном молчанье

Властелины Кремля сатане на закланье.

Многие из нас до того оскудели смелостью - сторонятся, убегают боком, боком от людей, прямо осуждающих предательскую деятельность лидеров, попугайствующих и лакействующих перед Западом, перед США, унижая свой народ, свою обобранную Россию.

Вот и характер Валерия Хатюшина иным неприятен - слишком "риторичен и грубоват" Хатюшин в страданиях:

Опять изменой и злодейством

агент верховный осиян...

Опять покорное лакейство

явило стадо россиян.

Больно? А поэту не больно? Стыдно? А поэту не стыдно? Чиновная мокрица пожирает национальное золото и бриллианты. Кто они - прорабы поборов?

Беда наша большая, на много лет ее хватит. Сейчас проснулся бы Леонид Ильич Брежнев - закидали бы цветами, а ведь недовольничали: как меняются времена и жизнь!.. При застое круглая буханка хлеба из саратовской пшеницы за 50 копеек дороговатой нам казалась. Все мы числили себя в бедных, а ныне все - миллионеры: нищета вздыбилась, а богатеи над ней хохочут. Лапти не купить!

В самом деле: "Запорожец" каждый рабочий человек мог приобрести, а теперь - плати миллионы. Гайдар эпоху застоя превратил за год сверхскоростного правления в эпоху сплошных миллионеров: любая семья - миллионерская... Авантюрист от экономии, пузыристый блеф!

Доллар, трезвый и пьяный, кованым каблуком вышибает двери российского дома и загребают за центы не только наш быт и призвание, но и наше достоинство и судьбу. Доллар, покрытый скользью жирка и чесночной самоуверенности, похож на отставного вице-премьера Гайдара. Упитанный и плоскорожий.

Но защищают ли русские писатели человеческое право и русский смысл бытия? Конечно. За перестроечный период, роковой и оккупационный, выросли в России новые публицисты. Они не дают разбойным тайнам торжествовать в счастливой неизвестности. Они зовут к бдительности и строгости. Русская публицистика вновь - национальна!..

* * *

С первых дней горбачевского предательского кошмара Николай Дорошенко ведет летопись черных достижений героя. Если объединить, собрать статьи и очерки, получится книга. Книга благородных поступков Дорошенко, направленных на борьбу с межконтинентальным жульем, книга печали о разграбленной России, книга боли о великой поруганной стране.

Николай Дорошенко - пронзительный полемист. Его слово и за нагроможденную на пути преграду устремляется, не робеет. Он вел газету "Московский литератор", а сейчас издание патриотических дум - риск, бессонница и тяжба с "демократическими" властями, ошалевшими от блуда и зависти к порядочности, властями, поправшими русский образ и русский характер в Отечестве. Такие "демократы" запали в кражах и, как пираты, и нравы замутить и угробить рады.

Николай Дорошенко - терпеливый: песья свора трепала его на заседаниях партбюро и секретариатов, на сборищах различных инспекций и комиссий. Но ритуальное убийство Константина Осташвили "интернационалистом" не удалось обелить: "Московский литератор" первый широко поведал о злодействе... Да разве перечислить факты храбрости Николая Дорошенко?

А какое ядовитое шипение поднимают "искатели истины" вокруг Валерия Хатюшина? И - неграмотный он. И - нерусский он. И - бесталаный он. Копнул, зацепил "русских" глашатаев, диссидентствующих "прорицателей" века?.. Вина Валерия Хатюшина - преданность матери и отцу, забота его о собственном государстве. И - непокорность перед "инопланетянами": не хочет примириться с их уздечкой, закусивший удила гой...

Валерий Хатюшин, безусловно, один из острейших публицистов. Не юлит, не вертится: ведь сколько его сверстников молчит? Но мы замечаем их убогое молчание. Если молчание - невозможность, неумение, ладно, но если молчание - енотова хитрость, то подобное молчание не дороже презрения к молчанию. Хитрые нас хоронят... Как в частушках:

Президент у нас хороший,

Патриарх благословлял, -

Всю Россию облапошил,

Непокорных расстрелял.

Никто никому не обязан рапортовать о своем патриотическом шаге, но и умиляться тихонями сегодня вредно. Да и никто ничего одаренного не сотворит без капли национального подвига. Национальная суть - Родина. И Валерий Хатюшин - не исключение, а честная активность сопротивления при опустошении родительского дома заезжими гангстерами, потерявшими равновесие и надежду.

Сидела жаба на кочке среди зеленого болота. Жаба зеленая и трава зеленая. И вода в болоте зеленая. Жаба толстая и неуклюжая. Разинула рот. И голову поворачивает, как экскаватор ковш, то налево, то направо. Летит комар слева, жаба его - хап. Летит комар справа, жаба и его - хап. А летит комар прямо, жаба не двигает челюстями, парализована. Лень у нее такая, параличу подобная.

Наглоталась - раздулась. Вперед ткнулась - и перевернулась. Еле-еле снова устроилась на живот, чуть не умерла вверх лапками. И кормчие у нас - жабья нелепость: нахпают, наглотаются, в "святые" ткнутся - перевернутся и лежат, вверх лапами, в зеленом болоте истории... Двигались бы прямо, пусть медленно, но прямо, со сдержанной скоростью и аппетитом. Лягушине перевертыши.

А мы? Мы глядим на эти ороговелые памятники, бронзовые и гранитные бюсты, глядим на живые памятники ухарям-перестройщикам, командирам 500-дневной программы стабилизации и суверенизации, программы хамской капитализации и загона русского народа в политические и экономические резервации. Терпим. Когда же откажемся? Комары.

Стихи, стихи... В них - тоска и отчаяние. В них - боль. Меня спросят: "А дальше? Туман напал на Россию. Да, Брежнев - уже не застой. Застой - во, под окнами, настоящий, грабежный, бандитский, изуверский: Россия - нищая, народы ее - нищие.

Как в частушках:

За стеной кремлевской арки

Вместо тени пращура

Появились олигархи

Под командой ящера.

Стихи... Помогли стихи?..

Помогли. Если есть один поэт, значит - есть, есть люди, понимающие задачу поэта. Настоящий поэт не убегает, а глубоко проникается несчастьем родного народа, русский и незаменимый, как любой обычный поэт, не скурвившийся при раздаче "прибылей от цента", не кинувшийся на посулы.

В публицистике Иван Савельев раскрыл нам верхнекоридорную возню засценных изменников, менял, иуд, заживо погребенных во грехах. Я присоединяю к нему Николая Дорошенко и Валерия Хатюшина. Присоединяю Владимира Фомичева. Как не присоединить? Мужественные.

И - ничего у них за плечами, кроме правды!.. Где отец Ивана Савельева? Где их, друзей моих, отцы? Не от ран умерли, так от голода и холода, от бед, пущенных по Руси

дельцами-новаторами, фашиствующими демократами-организаторами.

Владимир Фомичев зиму и лето, зиму и лето отбивался от дерзкой просионистской мафии, опутавшей нас. На допросы Фомичева таскают, в тюрьму обещают запихнуть, торопятся ублюдки.

Вдруг Фомичев догадался: Россия отобрана у русских. Русскому народу учредили рабство и 500-дневный экспериментальный концерт - зрелище для жабообразных лидеров перестройки, толстых и неуклюжих, наглотававшихся нашей безвинной крови. Владимир Фомичев виноват: русских унизили и полуистребили, виноват, как все мы - виноваты?..

Редактор, поэт, публицист, друг мой седой. Владимир Фомичев не корректный, не дальнзоркий, не догадливый, а как отец его, не сдающийся на милость вражью. Родина моя, Россия моя великая, когда же эти заболтавшиеся упыри насытятся нами? Когда они перестанут мешать нам дышать, думать и говорить?

В гнилом болоте радио и телевидения не сосчитать кочек и жаб. Нет, Леонид Ильич Брежнев - гигант коммунистического рабочего движения: он СССР не развалил, буханку хлеба при нем, белого, за 100 рублей не продавали. И Виктора Кочеткова, фронтовика, не травили. Ленинцы...

А эти? Купленные Западом. Настырные попугаи, зазубрившие "правовое государство", "цивилизованное сообщество", сумасшедшие карлики. Ну, кто смолчит? И говорить о них как? Только - беспощадно.

Иван Савельев: "Мы хлебнули из ковша "демократии" мертвой воды, наивно приняв ее за живую. Мертвая вода заполнила капилляры народной души..."

Валерий Хатюшин: "Преступно навязанный нам "рынок" окончательно разорит не только страну и простое население, но и загубит целое поколение..."

Почему нас безнаказанно уничтожает консолидированная свора преступников? Их свобода - обман и грабеж: сегодня - грабеж государства, завтра - грабеж тебя. Их приватизация - заглатывание народных фабрик и заводов, народной земли и народной воли. Их свобода печати - изматывание мыслящей русской прессы налогами, бессовестностью цен на бумагу и на типографию. И запреты.

Еще в 1973 году я, "молодой" Главный редактор издательства "Современник", возмущался: цитируя свои стихи Виктору Кочеткову в ЦДЛ, после очередного "наезда" на меня чекистского деятеля, сиониста:

Клевета

Клевещешь ты, жестокий и чужой,

От вздорных писем до прямых угроз,

-Все применил,

а я, такой большой,

Давно твои наветы перерос.

Я здесь умру, тебе же предстоит

Еще покинуть Родину мою,

На верности и правде мир стоит,

И лишь иной закон в твоём краю.

Там циников библейская толпа,

Там славится жестокость, ложь и спесь.

И не народ, а жалкий дух раба

Хотел бы ты увековечить здесь.

Но я тебя прощаю, ты, дикарь,

Ты ничего не основал нигде.

И, как сегодня, торговал ты в старь

За тенью фараона в слободе.

По всем земным базарам ты прошел,

Во всех науках громко побывал,

Но для души услады не нашел,

А только предавал и продавал.

Я эту ложь испепелю огнём,

Я, русский настрадавшийся поэт.

Таким, как я,

НИ НОЧЬЮ И НИ ДНЁМ

В родном доме от вас покоя нет!..

- Задержают они тебя за русскость твою! - заключил Кочетков.

- Не сразу, а настроение я им попорчу! - И попортил: экзекуцию на КПК они мне заварганили классическую. Долго кашлял... Владимир Фомичев не заблуждается:

Отец мой русский пал в бою,

Как дед и прадед. Я усвоил:

Есть враг, чтоб землю жечь мою!..

Даст маху воин - Россия погибнет. Землю нашу полонят долларом, нас затравят "красно-коричневыми" пилюлями, грома и закалывая с экрана, как нерпу закалывают браконьеры на берегу океана. Третий год Владимира Фомичева таскают по следователям, прокурорам, судьям: слишком верно слышит боль своего народа, слишком чутко рассказывает о ней. Но не таскают Горбачева. Но не таскают беловежскую "тройку"...

Многие молчат. Многие прозябают, не подчиняясь антирусскому курсу. А я называю друзей своих, кого я люблю за чистоту гнева, за горечь в глазах, за слово зовущее. Я убежден: их скорбь радостью возвратится, их упорство ясным колосом возмездья взойдет.

Русские люди, не опускайте рук. Нас монгольская конница копытами не перемолола, чугунные армии не раздавили, не опускайте. Мы встанем и отряхнем кровавую ложь и там, впереди, доверчиво окликнет брат брата!..

Выперлось похмельное чучело из Спасских ворот

И мы, как парализованные, уставились ему в рот!..

Зачем явился поэт и что он должен делать, когда Родине его тяжело, а народу его невыносимо?.. Ведь любая страна, исключая время, израсходованное ею на войну и катастрофу, живет и создает трудовыми усилиями и гражданским покоем, обязывающим тебя, поэта, видеть, думать, творить... Творчество - воскрешение памяти...

Где длился мир, где нужно было мало –

Всего лишь хлеб и кружку молока –

Из века в век несла и поднимала

К началу жизни женщину река.

Интересно, красиво Геннадий Космынин говорит, чувствует и любит жизнь. Пусть жизнь не забрасывала поэта шелестящими ассигнациями, не одаривала сверкающими коттеджами, но зато - была она понятною, нежною, как мать или невеста, заботливою, как жена, и не стучалась необходимостью в сердце твое, необходимость гневаться, дерзить, искать клопочущие справедливим возмущением и протестом слова...

Ненастье Родины, вы ищете героя,

Он растворен, он в тысячах - один,

Мы вышли все. Стоим на поле боя.

И ждут вождя и раб, и господин.

Каким огненным ликом судьба к нам, к нам повернулась - рабу невыносимо, а господину неуютно: с какой стороны уважение встречать, из какого простора гроза обиды выкатится и обрушит рокот возмездья на лживый базарный быт, на горькое существование, униженное ликующими торгашами, дудящими жирными заграничными усталому пешеходу?..

Друзья мои! Солью по капле в чашу

Из жил своих... Возьмем от плоти плоть.

И сами сотворим надежду нашу.

И пусть ее благословит Господь!

Не надо политики в стихах!.. Не надо. А что нам надо?.. В лихую пору, в годину тоски по справедливости и тоски по нормальной обыденности, чего душа поэта просит?.. Просит - дабы не тянули худые ручонки дети, моля у тебя копейку на пропитание. Просит - дабы не давили, не притесняли тебя роскошными зарубежными каделлаками новоиспеченные на воровской жаркой плите магнаты, обшарившие карманы у врача и учителя, машиниста и конструктора. Им, ханам атомной эпохи, и светофор подмигивает улыбочиво, как взятку получивший гаишник, забывший о чести и долге инспектора державных дорог...

Ветер носит пыль и скверну,

По канавам мусор прячет...

Ходит женщина по скверу,

Побирается и плачет.

Это ведь та, та тишина, о которой я только что сказал выше: вчера она дышала и пела, а ныне - побирушка и беженка: где ей взять автомобиль и на какой скорости умчаться от голода и холода, от гнета и позора?.. Ну каким же человеком явится в нашем движении поэт русский? Интеллигентным. Да. Некрикливым. Да. Но - берегущим совесть. Но - не предающим святынь. Но - не умеющим отворачивать очи от сестры и брата, пойманных в стальные клетки свежих суровых границ и надзирательств... Боль беженцев - завтрашний суд над нами.

Геннадий Космынин - добрый справедливостью поэт. Вырос на Волге, на земле деревенской, где с малых лет - коса и лопата, телега и лошадь, борозда и трактор. Богатырской стати, щедрый, уважительный, ласковый с теми, кто чем-то помог ему в юности, верный тому, чему осяяно присягнула его молодость: русскому, родному и вечному, как серебристая мудрость небес наших, как непобедимый свет ветра, поющего в даях отчих. Да, да, поэт сам себя лепит, но из вздохов и праздников народа лепит, а не напяливает на себя рыночный фрак...

В одном из своих стихотворений поэт повторяет и повторяет вроде даже и невзрачную строку:

В краю всего хорошего...

Всего хорошего - значит: в его краю, в родном краю поэта, и соловей упоительнее поет, и река величавее течет, и девушки симпатичнее смеются, еще бы - родимый край, а из таких несравненных краев Россия в державу собирается. Родина - свеча планеты.

* * *

Да, да, застенчивость, кроткая недоговоренность, а в подтексте - наша национальная цельность, наша традиция внутреннего неразболтанного мира, взгляда, сосредоточенного на собственной душе и судьбе общей. Мы привыкли ощущать простор за плечами.

Жаль, не дают русским поэтам ни сцены, ни экрана. Не дают зала и нашей песне. Слово русского поэта и голос певца русского заменили волосатые черти. Гляньте, как они, несуразные и горбатые, стучаются рогами в телекадрах, машут грязными хвостами нам, терпеливым и наивным хозяевам страны, выстрадавшей слезами и кровью, казалось бы, самую справедливую заботу о себе...

Мы забываем, предаем Пушкина и Некрасова, Лермонтова и Блока, Есенина и Твардовского, Прокофьева и Кедрина, Ручьева и Луговского, Корнилова и Васильева, а не предаем, так меняем на конкурсы бездарно-безголосых и сумасшедших топтунов у пыльных микрофонов. Словно и великой традиции культуры у нас, у русских, нет, а есть этот животный рев, бессмысленный и вненародный. Россия - многонародная страна, почему же культуры ее народов заперты, а вненародная развязная богатая рвань таскается по экранам и сценам, унижая исторические народы России?

У нас и сегодня, повторяю утверждение, есть замечательные поэты, нежные, верные, когда необходимо - яростные: Виктор Кочетков, Сергей Викулов, Николай Старшинов, Станислав Куняев, Юрий Кузнецов, Станислав Золотцев, они нигде не предали русского достоинства и русского поэтического авторитета, и Космынин, в данном случае, продолжает их славу, наследует их авторитет. Доброта и мудрость не умирают.

Вдохновение - не политика. Митинг - не метафора. Но грош цена поэту, если он уваливает от прямого сопротивления насилию, чем упорно занят его народ.

За лукавый шаг в сторону - плати, поэт. За умолчание о разорении России - плати, поэт. За робость защитить безвинных - плати, поэт. А за безвинно казненных - говори, говори, говори, русский поэт: сестра тебя поймет, и брат тебя поймет, а народ и Бог в беде тебя не оставят!.. Поэт - куст неопалимый...

Пусть будет всегда здоров и светел поэт-патриот! Не один он у России, и в этом - сила его и наша. Моложе Космынина, тоже - давно зрелый, очень мною ценимый поэт с Урала - Сергей Соколкин, со словом, русским и храбрым, пронесит, оберегая, суть творчества - достоинство биографии отцов и дедов наших, отдавших себя надеждам дела, солдатской доле и целям красивым, взорванным предателями, но не погашенным на трассе крови и слез, подвига и славы. Созиданием защищены Владимир Силкин и Леонид Вьюник, Владимир Бояринов и Сергей Суша.

Нелегко ныне поэтам. Молчит известный на Урале поэт - Владилен Машковцев, на Кубани - Сергей Хохлов, на Орловщине - Виктор Дронников, а в Москве - знаменитый Егор Исаев. Но молчат ли? Не молчат. Просто, как на днях определил Егор Исаев, нас отменили. Руководители в национальных республиках России берегут родных поэтов. Берегут слово родное. Стараются помочь заботами народу своему. А в России русским поэтам - преграда за преградой, барьер за барьером, потому и на дуэль Александр Сергеевич Пушкин вышел свободно и неодолимо!.. Потому поэты - беззаветные безумцы.

Нас не убьют, мы не помеха

И не угроза... Мы - слова.

Нас повторяет только эхо

У стен Кремля и Покрова.

Книга Геннадия Космынина "Гнездо перепелки" идет к читателю, к людям идет, полная

справедливой доброты и красоты человеческой: она разговаривает со мною не фразами, а словами, не лукавыми намеками, а порывистым сердцем, тихо замирающим перед красотой России, Родины молитвенной нашей, и громко стучащем, когда благородному народу нашему, труженику и хозяину, глоток врачевательной энергии, золотая капля его же неувядающей истины требуется...

Поэзия - нить серебристая, струна золотая, вздох заповедальный, она звенит и звенит в ушедших и в действующих поколениях, и звездный голос ее окликнет нас в самые непредсказуемые минуты...

Эй, Самара, эй, Саратов,

Эй, Казань да Кострома!

Можно жить, характер спрятав,

Но ведь это же - тюрьма.

Эй, вы, люди-бедолаги,

Братья, гении труда,

Нам ли думать про овраги?!

Есть на Волге города...

Есть земля русская. Села и города есть. Люди есть - неистребимые и окрыленные: не мешайте им!.. В "Новом завете" мы находим изречение: "И потому, братья, мы не должны подчиняться своей греховной природе и исполнять её желания, ибо, если вы живете, подчиняясь своей греховной природе, то вас настигнет духовная смерть". Но поэты - воины Христовы: вперед!..

Встретил я давеча Ваньку-псковича,

В кармане наручники - ищет Абрамовича!..

Виктор Иванович Кочетков родился в октябре 1923 года, октябрь - пушкинский любимый, месяц рождения Сергея Есенина... Октябрь - когда срединная Россия еще горит красной рябиной, греет сердце человека остывающим золотом лип и берез, а в предзакатном мерцании солнца - багрянцем кленов и дубов. Россия милая, родина золотая, страна разрушенных деревень и ввергнутых в нищету городов.

Каким же должен быть русский поэт - если не прямым и бесстрашным?

Чему мы служили? На что мы сгодились?

Пусть время без гнева ответит на это.

Под треск пулемета на свет народились,

Под треск автомата уходим со света.

Меж двух мировых мы с трудом разместили

и детство, и юность, и зрелости годы.

Моим поколеньем дорогу мостили

из царства терпения в царство свободы.

Поколение Виктора Кочеткова почти истреблено - войны, суды, лагеря, то фашистские, то отечественные, возведенные в мерзлотах и пустынях Коганами и Френкелями... Я около тридцати лет берегу прекрасные праведные отношения с Виктором Кочетковым. Ценю в нем верность дружбе, а в минуты невыносимые прошу у него помощи, ему помогаю, коли она для него существенная. Сам переживший много незаслуженных обид и унижений, я не скоро назову человека, равного в товариществе и мужестве Виктору Кочеткову, а это - высшее качество поэта.

В двадцатых и сороковых годах знаменитый американский журналист отчетливо уже просматривал и наше время, опираясь на собственный ум и на трагедии и горе народов той эпохи.

Дональд Дэй сокрушался:

"Человек боролся и даже воевал за свободу слова, но допустил, чтобы наиболее важное средство словесной информации - радио - перешло под контроль либо правительства, либо в странах, претендующих ныне на монополию свободы, под контроль евреев. И после этой борьбы многих поколений, где же оказалось человечество сегодня?"

Оно вовлечено в величайшую в истории войну - между националистами и интернационалистами, между неимущими и имущими, между христианской цивилизацией и еврейским фундаментализмом, между прогрессом и упадком. Многие страны пришли к печальному выводу, что невозможно обеспечивать свободу в обществе при наличии в нём инородцев, занимающихся оппозиционной деятельностью и разрушающих нравственные и духовные основы этого общества".

И Дональд Дэй подтверждает:

"Примером того, что может произойти с нацией, является Россия. Там чуждая русскому народу группа интернационалистов - контрреволюционеров уничтожает всех лучших представителей нации с целью установить свои собственные идеалы жизни".

Благородный Дональд Дэй не дожил до телеэкрана и интернета, где садистствующие бесы ликуют и визжат, сея по народам и странам ложь, разврат, предательство, насилие и ужас. И действительно: Россия - и сегодня вроде центрального полигона, в России над русским народом сионистствующие изобретатели зверств проделали все, все эксперименты, даже их кровавые бейтаровцы в октябре 1993 года расстреливали нас возле Дома Советов. Мало они уничтожали русских в Соловецких и Колымских лагерях? Конструкторы погибельной машины для русских. Фашисты меркнут перед картавыми палачами. Убийцы России.

Как Пастернак - так гений... Как Бродский - так бессмертный... Как Боннэр - так мать Тереза... Даже хохотать над взвинченным еврейским экстремизмом надоело. На пятой скорости мчатся - в талантливые, в незаменимые: вот какое себеневерие и какое жадное чувство неполноценности в них бунтует!..

Почему "Московский комсомолец", "Известия" или "Литературная газета" не расскажут о прозе Петра Проскурина или Арсения Ларионова, об исторических поэмах Анатолия Парпары или публицистике Николая Дорошенко? Что, состав крови у них не тот?..

Жидовствующие русофобы шкодят, гундосят над русскими: "Агрессивные!"...

"Шовинисты!"... "Пьяницы!"... "Лодыри!"... А Израиль? Пашут и сеют - арабы. Строят - арабы. Кормят обжор - арабы. Да ещё - дармоеды враждуют со всем арабским миром? Атакующие коалы...

Кремль с чеченцами воюет. А в Ярославской области уже более 100 тысяч их, чеченцев. Через десять лет - Чеченская республика вырастет на Ярославщине, в краю Александра Невского!.. А куда подевались из Чечни русские - 500 тысяч, куда? И с кем воюет Кремль? С народом русским Кремль воюет, добивает его.

В Москве выходят настолько сионизированные газеты - лица русского или татарского, любого лица, кроме иудейского, не встретишь. И жалобы - русские их дают: совести нет, элементарной благодарности нет.

Но экстремизм - не народ. А народа-экстремиста в природе быть не может. Каждый народ - страдалец. И еврейский народ - не исключение среди трагедий. Каждый народ среди народов - народ.

Где русский Донбасс? На Украине. Где русские порты? В Прибалтике. В чьих лапах русский Крым? Почему уральское казачество под улусной пятою Назарбаева? Кто позволил назойливо и твердо мусолить мысль отпада Чукотки - в Америку, а Калининграда - к ФРГ, кто? И Кремль помалкивает. Готов одаривать расхитителей и поработителей?! Русских теснят с дальневосточных и северных рубежей. Нужно много наручников...

* * *

В защиту Владимира Фомичёва я давал телеграммы на имя прокурора г. Москвы - Пономарева, давал телеграммы на имя Генерального прокурора России - Степанкова, дал телеграмму даже на имя правозащитника Ковалёва. Прокуроры отреагировали, а шелушащийся пархатой перхотью правозащитник, лагерник Ковалёв, натравил на меня

визгливую бабу из Верховного Совета РСФСР, и мне пришлось резко отсунуть её от себя.

Позже к брошюрке Фомичева я дал вступленье:

"Эта книга - горькая боль. Владимир Фомичев, мальчишкой загнанный оккупантами в горящий дом, уцелел: фашисты сжалились... А вот "отечественные" фашисты сжигают его душу и судьбу доносами и преследованиями, требованиями - судить.

А за что судить? Судить - что русский. Судить - что защищает родной народ? Черные силы бомбят ракетами безвинных иракцев, устилая убитыми детьми и стариками тротуары Багдада. Черные силы не дают покоя России. Развалив СССР, рассекают единую Россию.

Надо помогать несгибаемому Владимиру Фомичеву, довольно созерцать и вздыхать, бездействуя над нашей национальной гибелью!.. Где Ю. Иванов, В. Бегун, Е. Евсеев, К. Осташвили? Хватит нам хоронить храбрых, хватит нам трусить и забывать тех, кто отдал жизнь за нас.

Владимир Фомичев, поэт, публицист, ученый, продолжает святое дело - борьбу с расистствующими сионистами, орудующими за спиной "демократических" оборотней и хриstopродавцев, стремящихся столкнуть "на крови" два народа, русский и еврейский. Лучшие люди страны ставят собственные имена под заявлениями, защищающими Владимира Фомичева, патриотизм которого понятен не только русскому человеку. Стыдно сегодня прятаться от высокого страдания брата и друга!"

Валентин Сорокин, лауреат Государственной премии России.

В просторах, овеянных славою трёх поколений,

Цветут обелиски - подсолнухи мёртвых селений...

Мы, русские не храним друг друга: быстро соглашаемся с хулою, с наветами на близкого, быстро отдаем на суд и на пересуд родного, душу нам родную, а позже - стыд нас заедает, совесть мешает нам уснуть. Кого же винить, кроме самих себя? Мы согласились: десятки тысяч рублей - билет до Байконура, поездом. А позвонить - обеднеть, все сотворено - дабы русские люди очутились в резервациях, в котлованах изоляции и немоты. Кто виноват? Мы.

Сказать - робеем. Опубликовать - боимся. Но поэт не имеет права робеть. Не имеет права бояться. И запаса времени у поэта нет. Есть у поэта только обязанность двигаться вперед и вперед, только - на свет русской боли, на огонь истины:

Горит закат, И даль дымится.

И ветер чуть горчит на вкус.

Ни от одной твоей страницы,

Прошедшее,

не отрекусь.

У Виктора Кочеткова, честного русского поэта, нет причин вокруг, чтобы отречься от чего-то: позади могилы отцов и дедов, а впереди - обелиски братьев и сестер. Курганы, курганы. И сам поэт - пылающий клен. Роняя красные листья памяти и скорби, он уходит

в синюю скифскую даль, где все мы - вместе, где все мы - едины... Кроме Ростроповича и Боннэр...

Русское золото из земли колымской - в Америку, а русский народ - в колымскую землю. Солдат Кочетков - не сильнее миллионера Борового, а поэт Кочетков не известнее миллионера Тарасова. Лидеры, развалившие СССР, догадались: если бы не развалили, не разорвали автоматические и конвейерные линии, не разрезали телефонные провода и железнодорожные рельсы - не случилось бы паралича производства. Сращивать решили. Какие гениальные и прорицательные вожди!.. Авральные Столыпины. И - не отвечают...

В СССР Совет Министров цапнулся с ЦК КПСС, а Верховный Совет России пободался с бражным президентом - кому нужны поэты? Мы - расстрелянные!.. Пародисты, судя по ситуации, точнее соответствуют внутреннему состоянию свежих владык: хохотать над плюгавыми хохмами интереснее, чем кручиниться над гробами, выезжающими из междоусобного ада Средней Азии и Кавказа...

Русская лирика режет слух. А русская публицистика мешает стабилизации. Лишь лысолобому Горбачеву удалось безнаказанно, повезло, своими фантастическими речероманами изнасиловать до смерти великую державу и при каждом нынешнем громе над ней, обкарначенной, ему удастся выскользнуть из России не через форточку, так через балкон, не через балкон, так через какое-то заказное полпредство... Выпустили джинна из бутылки. Выпустили - надоел, а загнать в бутылку - противно связываться с Иудой?

Как позабыв последние приличия,

с Отечеством ведете долгий торг

в американском городе Бердичеве,

что в переводе значит Нью-Йорк.

Накажи их, Господи, а поэту дай силы, дай здоровья ему! Кто, если не поэт, заговорит о горе народном? И кто, если не поэт, заживит раны народу? Но на Бога надейся, а сам не плошай.

Деревья наклоняются и скрипят. Листья шумят, листья. А небо - крутое, замутненное: живые звезды загораются над нами и гаснут к утру, словно не светили.

Войны не обескуражили злобу, а слово не образумило ее. И поэта ведет не политика, а страдание. Ветер воет. И птицы переполошено стонут. Ночь распласталась. Шагни, а впереди - бездна.

Гнутся деревья, гнутся, а над краем бездны, далеко-далеко, катится лунный багряный диск, похожий на раненую душу моего друга... Умер Николай Старшинов, умер Владлен Машковцев, досадно рано мы простились с волжским витязем, Геннадием Космыниным. Нет с нами Феликса Чуева, Вячеслава Богданова, Анатолия Передреева, Николая Рубцова, Владимира Гордейчева, Бориса Примерова, Геннадия Серебрякова, Олега Алексеева, Анатолия Зайца, Ивана Лысцова, Николая Благова, а ранее - нет с нами Василия Фёдорова, Дмитрия Ковалева, Сергея Наровчатова, Михаила Львова, Сергея Орлова: предчувствие перестроечной катастрофы поторопило их в могилу, рождённых до войны, перед войною и в годы войны.

Но русские сердца их бьются и стучат, а их русское слово тревожит и умудряет нас. Его не заменят продажные реформаторы холуйскими изысками местечкового пошиба и не вытеснят его маразматическим ликованием филологического мурла, картово ковыряющегося в иностранных обозначениях:

"С тусовки из холдинга певица влезла в джип "Мерседес-бемц" к Отту Барровичу Кронштейну, олигарху, и, уплотняясь, озвучила кабину. Олигарх покраснел, а водила засунул ей в хит чубаевский ваучер, аж прокладки от скорости под капотом задымались. Крутой экспромт эксперта удался: Сюзанна Гоппер, певица, зажав ксиву, пожирала сникерс, измазав нос в баунти и милкиузэй".

Мерзавцы!.. Вы отобрали у нас институты и академии, банки и производства, как ваши троцкистско-революционные деды отобрали у русских покой и свободу, станок и пашню. Вы окунули нас, ограбив богатства наши, в кабальные кредиты и долги. Вы уничтожаете армию - верность и стойкость народа. Прилаживаетесь - к спуску за доллары русской легендарной земли. Мы ненавидим вас, одутловатых и жестикулирующих на экранах и на трибунах, вас, пахнувших пыточной миссией и сексуальным пропадом!..

Не трогайте русскую сказку. Оставьте в покое русскую Родину. Не гогочите и не издевайтесь над русским соловьиным словом - нашей молитвой. Мы разгромим вас!

Сокол

Памяти командарма Ивана Сорокина

Я не верю, что предал ты Родину,

Флаг, в котором жар-птицы цвели,

Просто пал в клевету-непогодину

Сын казачьей страдальной земли.

Просто храброго, умного, броского,

В бой летящего, будто бы петь,

Волчья стая матёрого Троцкого

Не могла понимать и терпеть.

Тупо давит мне сердце бессонница,

Лишь задумаюсь, -

в ранней степи

Покатилась бунтарская конница

Под твоё ликованье: "Р-руби!"...

Вижу, падают в стороны, в стороны,

Раскрывая безумием рот,

Эти чёрные дьяволы-вороны,

Исклевавшие русский народ.

Вот они, разъяренные, в просини,

Объедаясь кровавой молвой,

Смертоносные крылья разбросили

Над безвинной моей головой.

К мужику ли, к запуганной бабе ли,

К господам ли врываясь в ночи,

Золотели,

румянились,

грабили

Всех народов и правд палачи.

Вижу, в роздымах края кубанского

Ты проносишься грозно в века,

Так похожий на брата славянского,

Перетрясшего Рим, Спартака...

Кто назначит возмездия сроки нам

За позор, за скопления бед?

Есть герои в роду у Сорокиных,

А героя-изменника нет.

Под какими лежишь ты деревьями,

Поднимись, -

это вновь, как огонь,

Шумнорыжий, дорогами древними

Скачет твой нерасседланный конь!

1982 - 1997 - 1999

[1] Баллада написана в 1977 году.

* _ Министр МВД СССР.